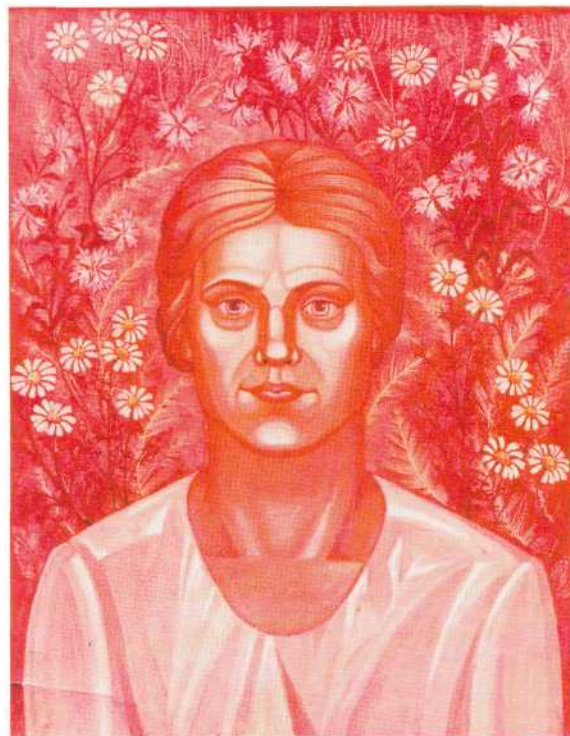
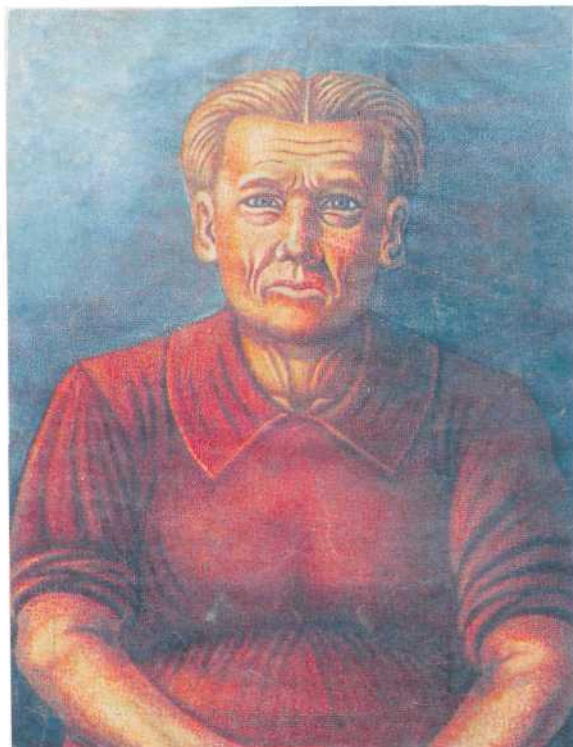

Памяти Ивана Селиванова

И. Селиванов. Портрет жены Варвары.
1977 г., холст, масло, 82,5 x 61.

А. Фомченко. Портрет сестры Валентины Акбашевой.
1983 г., картон, темпера, 59 x 40. Мексика.

Об Иване Егоровиче Селиванове в свое время было написано и снято фильмов достаточно. Нашему поколению ценителей творчества Селиванова биография его известна. Я могу гордиться тем, что этот светлый человек стал частью моей творческой биографии.

...1983 год. Мои первые портреты на съемках Кемеровского телевидения. Дан свет на стенд, где висят картины. И вдруг...съемка остановилась. Сотрудники телевидения покидают свои рабочие места, подходят ближе к освещенным картинам. Я в недоумении: «Неужели что-нибудь не так сделала?» И слышу восхищенный возглас: «Да это же Селиванов! Это портрет его жены Варвары!»

Но это была моя работа—портрет моей сестры Валентины. Так я впервые узнала, что своим живописным стилем похожа на Ивана Селиванова. И мне захотелось увидеть этого художника, а главное, его картины.

И вот в 1986 году привезли выставку его картин из Москвы. Директором выставки был Феликс Монахов. Картины Селиванова хранились в Московском заочном народном университете искусств, где он учился у педагога Ю.Г. Аксенова, с которым я и познакомилась на выставке. Выставки проходили в Кемерове, Белове, Новокузнецке. Это стало знаменательным событием для Кузбасса. Наконец-то признали самобытного художника, картины которого уже хранились в знаменитых музеях мира.

Но Иван Егорович был уже стар, плохо видел, до смерти оставалось два года. Признание своих заслуг он принимал с достоинством и грустью, с горькой грустью. Жизнь прожил он в нищете. Художник мирового уровня доживал свой век на пенсию 40 рублей и с мечтой о собственном светлом доме с мастерской. Лишь в 80 лет он удостоился чести получить звание заслуженного работника культуры. Хотя такой художник заслужил гораздо больших почестей и более высокого звания.

Да, к тому времени и дом ему построили. Но было уже слишком поздно.

Как часто случается в нашей России-матушке—талант признают тогда, когда его признал мир и для творчества и жизни отпущена ему уже самая малость.

И так, мое желание увидеть картины Селиванова исполнилось. Это был долгожданный момент. Выставку я посмотрела заранее и под впечатлением в Книге отзывов экспромтом написала «Притчу о Селиванове».

Что же главное в творчестве художника?

«Клюй же, курочка, семя для тех,

Знает кто, как достался успех.

Семя мудрости трудно найти,

Но на правильном курочка встала пути:

Надо ближе к земле, пашню всю перерой,

И своим, и своим только голосом пой!

Голос твой услышали в России,

Чудо-мастер Иван,

Селиванов Иван из Сибири!

...Селиванова привезли к открытию выставки. Народу было много. К нему мне было не пробиться. Издали увидела его: небольшого роста, густая шапка коричневых волос и голубая борода. Поняв, что выступить мне не дадут, я ушла до окончания церемонии. По окончании официальной части Селиванов прочитал мою запись в Книге отзывов и попросил позвать автора. Но меня уже не нашли. Так что, на этот раз не состоялось наше личное знакомство. Но оно было впереди. И не просто знакомство, а большая дружба. Мы встречались с ним в Кемеровском музее изобразительного искусства, в Инском интернате для престарелых и инвалидов, в его новом доме, на съемках фильма о нем. В картине Московской студии документальных фильмов «Синий кот на белом снегу» я принимала участие—к тому времени была написана картина «Селиванов и его животинки» (1987 год).

Оказалось, шла я навстречу Селиванову еще со времен моего ученичества в Палехском училище, не зная о существовании такого художника. И он, не зная обо мне, помог мне как художнику. Это невероятно, но факт. Свой первый автопортрет я сделала в Палехском художественном училище, где я начала изучать технику иконописи. Я так была поражена красотой древнерусской живописи (иконописи), что решила применить ее приемы в станковой живописи. За эти опыты чуть не поплатилась исключением из училища. Ведь установка на соцреализм в живописи была дана самим Сталиным, поэтому педагоги строго следили за учениками, чтобы ничего абстрактного. Для меня это были годы сомнений: почему станковая живопись не может быть с приемами иконописи, народных традиций? А вдруг, это все-таки можно? Где найти такие примеры? Есть ли такие художники? Учащиеся училища были из бедных семей, поэтому выставок не посещали, особенно московских и ленинградских. Но в общежитии был большой чемодан вырезанных из «Огонька» и других журналов репродукций с картин знаменитых художников. По ним мы и знакомились с творчеством Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рембрандта. Ничего близкого к поискам своего художественного стиля я не нашла. Выходит, таких художников нет и педагоги правы, что такая живопись недопустима. Хотя в последствие я узнала, что в свое время был развит парсунный портрет—переходный от иконо-

писи к реалистической живописи, которая и вытеснила парсунный портрет. Роясь в чемодане с репродукциями, я как-то нашла скромный портрет мальчика на охристом фоне. Подписи не было. Он был настолько близок мне, что затмил всех великих мастеров: вот художник, который работает так, как хочет, вот и я, закончив училище, буду работать так же.

И наконец, через 27 лет я познакомилась с тем неизвестным художником. Для этого надо было заехать в Сибирь.

На той памятной выставке я сразу узнала портрет мальчика. Правда, оказалось, это изображение девочки. Но я его запомнила. Таково свойство селивановских работ—запоминаться на всю жизнь.

...Официальное признание Селиванова вовсе не означало подобного внутреннего состояния большого слоя представителей кузбасской культуры. Вот характерный пример. Прокопьевский художник Г. Стаценко пишет по поводу моей картины «Памяти Селиванова»:

«Видел Вас недавно по телевизору, теперь представляю Вас и Ваши картины более реально, нежели представлял себе. Правда, будучи незнаком до сих пор с Вашим творчеством, представлял себе в мечтах несколько иным, чем получилось у Вас. Я знаю Селиванова живым, реальным, а он представлен у Вас наподобие Бога Саваофа или языческого Перуна, под лучами которого тешится группа, в углу которой сбоку-припеку как-то прилепился и я. Такова Ваша воля... Скорее всего нас следовало бы изобразить пьедесталом памятника Селиванову, в основание которого каждый из нас внес посильную лепту в меру своих сил. Каждый из нас потрудился...над утверждением в жизнь его творчества и популяризации его личности... Для меня Селиванов навсегда останется не Богом, не Солнцем вселенной, а скромным, незаметным старичком-тружеником на ниве искусства...Образ Селиванова у меня остался в душе иной с тех давних пор, когда я его рисовал в музее, работая художником, и когда я его видел в последний раз у нас в Тупике, продающим картошку, грязным, в лохмотьях, сидящим прямо на земле. Он видится мне земным с головы до ног, со своими достоинствами и со своими грехами...»

Вот что написала я в ответ:

«Я не изображала Селиванова Богом, нет. Солнце—это солнечный свет его искусства!..Иван Егорович для меня не старик в лохмотьях, Художник с большой буквы!..Он выше обыденности, а его нищета—это наш позор. Перед потомками он предстанет художником, картины которого в музеях Англии и Франции. Он сильнее и Пиросмани, наш сибирский Пиросмани, и сильнее французского Руссо. Кто виноват в том, что он у нас нищий?! За это осудят нас, наше время будущие поколения.

А славу Селиванову сделали его картины, а не чьи-то старания. Вы сами видите, кому был нужен бедный старик, работающий печником или сторожем.

Люди, изображенные под лучами искусства Селиванова, его друзья, те, кто хоть чем-то помог ему при жизни словом и делом. Это Никиреев С.М., Литвяков М.С., Иванова Г.С. И я очень рада, что была рядом с ним в последние годы жизни и посвятила ему четыре картины. Даже грузинский Пиросмани не имеет столько картин о своей жизни».